

вторжения на территорию Италии (535-540 гг.) [10, с. 107].

Правление Теодориха (511-534) началось с отражения датских набегов, возглавляемых норманнским конунгом Хохилайхом, часто отождествляемым с гаутским рексом Хигелаком, известным благодаря эпичной скандинавской легенде о Беовульфе. Интересно, что этот эпос является важнейшим источником по истории датского вторжения VI в. на территорию современной Франции. В результате кровопролитной битвы датские пираты потерпели сокрушительное поражение, а Теодорих сосредоточился на укреплении южных меровингских рубежей [14; 18].

Противостояние с воинственными бургундами не заставило себя долго ждать. Первыми войну начали единокровные братья Теодориха Меровинга, надеявшиеся на помощь остготов. До сих пор историков интересует вопрос – почему меровингские рексы («короли») надеялись получить военную подмогу со стороны недружественного до того момента остготского правительства? Абсолютное большинство коллег-историков ограничивается простой констатацией факта остготского участия во франко-бургундском конфликте. Автор же предлагает такое объяснение [9; 10; 11; 12; 13]:

1) Восточная Римская империя (*Imperium Romanum Pars Orientale*, то есть Византия) была в эпоху раннего средневековья единственным политическим центром образования, обладающим полнотой юридических, экономических, дипломатических прав и привилегий, являлась полностью суверенным государством [9, с. 59–92]. До 476-480 гг., согласно Эдикту императора Феодосия от 395 г., Византия делила этот статус пополам с Западной Римской империей (*Imperium Romanum Pars Occidentale*). Однако смерть последнего западно-римского императора Юлия Непота в 480 г. дала возможность византийскому правителю Зенону Исавру (476-491 гг.) сконцентрировать все полно-

мочия римских императоров в одних руках [12, с. 60–66].

2) Варварские королевства европейского раннего средневековья не являлись суверенными государствами [3; 4; 5; 16; 22; 32]. С точки зрения римского публичного права, представленного упомянутым Эдиктом императора Феодосия от 395 г., только Римская империя (*Imperium Romanum*) могла претендовать на высокий юридический статус полноценного государства [12, с. 63]. Все остальные политические протогосударственные образования и племенные союзы, согласно римскому юридическому мировоззрению, были обязаны склониться перед высшей волей императоров [13, с. 3–12]. Юридической формой разрешения создавшегося кризиса в отношениях между мигрирующими варварскими племенами IV – V вв. и Римской империей стало право *foedus* – правовой режим, в соответствии с которым поселяющиеся на территории империи варварские племена признавали высшую власть римского императора, пользовались полной свободой политического самоуправления. Из этого права *foedus* в дальнейшем вырастут все формы федеративных государственных образований [10, с. 76–85].

3) Если римский император предоставлял варварскому племени «режим *foedus*», то это означало инкорпорацию соответствующей группы варваров в правовое поле Римской империи [33]. Благодаря предоставлению различными римскими императорами права *foedus* на протяжении VI в. возникли такие *regnum* («королевства», хотя изначально лучше применять понятие «вождество», эквивалент английского *“chiefdom”*): Тулузское (вестготское), Бражское (свевское), Карфагенское (вандалское), Лионское (бургундское), Итальянское (остготское) [6, с. 30–52].

4) В 487 г. между остготским вождем Теодорихом Амалом и восточно-римским императором Зеноном Исавром была достигнута договоренность.

Племя остготов получало от официального Константинополя *foedus* на проживание в Италии. Теодорих Амал, вошедший в историографию как «Теодорих Великий», получил титул *magister per Italia* и стал официальным наместником Восточной Римской империи (Византии) на всём пространстве бывших западных провинций Рима [12, с. 65–66; 17, с. 22].

В 493 г. Теодорих Амал покорил «для восточно-римского императора» Италию, в 500 г. он взял под контроль Карфагенское королевство вандалов, в 507–511 гг. разгромил бургундов и алеманнов, нанёс поражение франкам, оккупировал вестготскую Испанию. Реализуя полномочия восточно-римского наместника в Западной Европе, Теодорих Амал достиг небывалых для варвара политических высот [12, с. 66]. Его чествовал император Анастасий I (491–518), поддерживал император Юстин I (518–527). Централизованная политика Юстина рано или поздно должна была войти в противостояние с политическими амбициями и личным честолюбием Теодориха [18].

5) Закономерно, что в 524 г. разразился масштабный кризис в отношениях между остготским правителем Теодорихом Амалом и восточно-римским императором Юстином [17]. Формальной причиной для кризиса послужили интриги родовитых римских сенаторов Симмаха и Боэция [10, с. 101], автора известного трактата «Утешение философией» [6, с. 34].

Теодорих Амал казнил смутьянов, а император Юстин I получил повод для введения санкций против остготской Италии. Хотя Теодориха Великого не объявили «вне закона», его геополитическая мощь была подорвана. Против остготов откровенно выступили вандалы в Северной Африке, вестготы в Испании, алеманны и тюринги в Германии. *Все эти народы, согласно правовому режиму foedus, признавали высший суверенитет Восточной Римской империи и верховную*

власть византийского императора [4; 6; 12; 19; 22; 23; 32; 33]. Во время конфликта между наместником Теодорихом Амалом и императором Юстином большинству варваров выгоднее оказалось задекларировать верноподданнические чувства перед официальным Константинополем [18]. Этот факт многое говорит о специфике политико-юридических отношений [8, с. 106–107] в раннесредневековой Европе и позволяет строить *дальнейшую цепочку логических рассуждений*.

Среди «королевств», открыто высказавших поддержку императору Юстину I, находились также бургунды [14, с. 80–82]. Вот почему *наместник Теодорих Амал* решил поддержать *франкского Теодориха Меровинга*, сына своего заклятого врага. Остготские полководцы присоединились к планированию военной операции против Лионской Бургундии. На территорию Прованса был делегирован экспедиционный контингент под руководством Тулуина [18]. Он, следуя приказу Теодориха Амала («Великого»), очень осторожно чинил, пытался не вступать в прямое столкновение с бургундами. По сути, остготы обходили решающие сражения, что свидетельствует об их нежелании «сжигать мосты» в отношениях с императором Юстином. Так или иначе, союз меровингских королей нанёс сокрушительное поражение лионским бургундам. Местный король Сигизмунд (516–524) был схвачен. Уже 1 мая 524 г. Хлодомир Орлеанский приказал его казнить.

Совет лионских старейшин провозгласил новым бургундским королем Годомара II (524–534). Возле *Везеронс-Кюртен* 21 июня 534 г. он уничтожил франкскую армию. Орлеанский король Хлодомир (511–524) во время битвы погиб. Несмотря на позицию Тулуина, наиболее выгоды от франко-бургундской войны получили именно остготы. К 525 г. войска Теодориха Амала («Великого») контролировали бургундские города Везон, Оранж, Карпантрас, Кавайон, Авиньон [23].

Гибель Хлодомира Орлеанского (511-524) имела печальные последствия для «Орлеанского королевства». Родные братья Хлодомира Хильдеберт (511-558) и Хлотарь (511-561) жестоко убили его детей и совершили раздел территории. К этому преступному акту был причастен Теодорих Меровинг (511-534), присоединивший к своим рейнским владениям восточную Аквитанию (города Лимож, Оксер, Труа) [23].

Смерть Теодориха Амала («Великого») в 526 г. и неспособность остготов удерживать обширные территориальные приобретения развязали руки Теодориху Меровингу [7; 17; 18; 32]. В 531 г. франки начали поход против тюрингов, являвшихся зависимым от остготской Равенны племенем. Это был очень тревожный звонок для остготского владычества на Западе Европы. Заря исторического могущества готовилась к стремительному падению...

Сначала распалось готское единство – отложились вестготская Испания. Потом франки уничтожили тюрингское войско и захватили городище Скитинг, население которого было вырезано в ночь на 1 октября 531 г. объединенным франко-саксонским войском. Некоторое время продолжались дипломатические переговоры с королем Герменефредом (507-534), окончившиеся предательским убийством тюрингского вождя франкскими дружинниками.

Благодаря ликвидации тюрингского политического объединения, Теодорих Меровинг существенно расширил свою территорию и направил все силы на завоевание непокорной Бургундии. В 532-533 гг. земли Лионского королевства были заняты общими усилиями трёх меровингских королей – Хильдеберта, Хлотаря и Теодориха. Почти столетняя история Лионского королевства закончилась убийством Годомара II (524-534). Древнее королевство романизированных федератов-бургундов рухнуло под ударом новой и очень

грозной силы [14, с. 82–84]. Немедленно после смерти Годомара бургундские земли были поделены тремя Меровингами. В предисловии к третьей книге «Истории» летописец Григорий Турский обозначил осуществленную победу над бургундами как *дарованную свыше победу ортодоксальных христиан над еретиками-арианами* [23, *Greg. Tur. Hist. Franc.*, III. Pref].

Теодорих Меровинг не успел насладиться плодами своих территориальных приобретений. В 534 г. он умер от болезни. Наследник трона Теодеберт (534-548) потратил много времени на межусобную борьбу и физическое уничтожение родственников, традиционно алчных к властным полномочиям. Лишь после военной победы он смог продолжить внутреннюю и внешнюю политику отца. И, надо подчеркнуть, успехи Теодеберта оказались внушительными: *«Когда королевская власть Теодеберта упрочилась, он показал себя правителем великим и замечательным «во всякой благости»: правил он королевством справедливо, почитал епископов, одаривал церкви, помогал бедным и многим охотно оказывал по своему благочестию и доброте многочисленные благодеяния. Он милостиво освободил церкви Клермона от выплаты налога, который поступал в его казну»* [23, *Greg. Tur. Hist. Franc.*, III. 25]. Но помимо этого «королевского благочестия» Теодеберту удалось развернуть небывалую экспансию франкских племен.

С одной стороны, франки продолжали теснить *тюрингов, баваров и алеманнов*, вступая попутно в ожесточенную конфронтацию с дикими *саксами* [14; 18]. С другой стороны Теодеберт обратил королевский взор к берегам Средиземного моря. Пока его преступные войска опустошали вестготскую Испанию и Страну Басков (*аквитанская ее часть называлась привычным нашему слуху благодаря романам Александра Дюма термином «Гасконь»*), Теодеберт Меровинг совершил ряд удачных военных

операций в Италии. Апеннинский полуостров впервые оказался в зоне «жизненного пространства» франков.

«Интересы» раннесредневекового Франкского королевства строились преимущественно на грабежах, насилии и присвоении новых богатств. Как и в случае с политикой Хильдерика (476-481) или Хлодвига (481-511) в отношении Галло-романского домена или Тулузского королевства вестготов, франки воспользовались проверенной стратегией: подождали, пока остготы ослабнут в борьбе с византийцами, и нанесли удар в спину.

В 535 г. византийский полководец Велизарий начал первую итальянскую кампанию византийских войск за восстановление исторического права Восточной Римской империи на Апеннинах. Его экспедиционный контингент высадился на Сицилии, где получил всеобъемлющую поддержку местного земледельческого населения. Уже в начале 536 г. Велизарий приступил к оккупации южной Италии [1; 20; 25; 30].

Незадолго до начала кампании император Юстиниан связался с Теодобертом Меровингом и предложил франкскому королю *послужить интересам матери-Византии*. Предполагалось, что франки в решительный момент ударят в тыл остготским отрядам. Как минимум, Юстиниан через своих легатов потребовал от рейнского двора Теодоберта Меровинга применить все возможные дипломатические, экономические и военные методы давления на «бунтовщиков-остготов». И так, пока тонкий стратег Велизарий занимался развитием военного успеха византийской армии в центральной Италии, франкские послы Теодоберта Меровинга зимой 536-537 гг. добились от новоизбранного остготского короля Витигиса (536-540) «передачи франкам в дар» Прованса. Помимо Прованса Витигис заплатил франкам выкуп в размере 2 тыс. фунтов золота [23; 25; 30].

Захват Прованса имел стратегическую важность и политическую необ-

ходимость для Теодоберта Меровинга, продемонстрировав всему раннесредневековому миру экспансионистские возможности франков. К тому же, развитие бургундского успеха в остготском направлении, усиленное личными контактами с послами «великого восточного императора Юстиниана», упростило внутреннее политическое положение меровингского короля.

Прованс являлся историческим регионом, относящимся и к Италии, и к Галлии одновременно. Он разделял два старых римских региона, также являлся духовным оплотом древней латинской культуры. *Латиноязычные племена активно колонизировали Прованс задолго до галльских походов римских легионов и учреждения Римской империи*. Не будет преувеличением сказать, что Прованс был плацдармом внешней политики Рима уже в V – IV вв. до н. э. Соответственно, провансальская знать составляла костяк имперского дворянства на Западе Европы, предоставляла большие налоговые поступления не только императорскому Риму (до 480 г.), но позже и варварским наместничествам Одоакра (480-493 гг.) или Теодориха Амала (493-526 гг.).

Оккупировав Прованс, Теодоберт Меровинг получил возможность рекрутировать в свою королевскую резиденцию многих представителей древней *провансальской сенаторской аристократии*. Этот факт свидетельствует, что правление Теодоберта характеризовалось широким восприятием галло-римского способа жизни, романизацией всех сфер общественных отношений в среде германоязычных франков.

Среди известных римлян, находившихся на службе у Теодоберта Меровинга, особым почетом пользовались образованные сенаторы Астериол и Секундин («риторы» – знатоки юриспруденции и профессиональные ораторы): *«В то время у короля Теодоберта в большом почете были Астериол и Секундин, ибо оба они*

были людьми знающими и сведущими в искусстве красноречия. Но посольские поручения короля к императору обычно выполнял Секундин, поэтому он стал кичливым и иногда поступал неразумно. Вот почему между ним и Астериолом возникла жесткая ссора, которая после словесных пререканий закончилась дракой» [23, *Greg. Tur. Hist. Franc.*, III. 33]. Какие выводы следуют из слов хрониста¹? Автор пробует конкретизировать их согласно пунктам повествовательного нарратива.

Первое: во времена династии Меровингов существовал и признавался единый император, который в хронике не называется даже «восточным» или как то по-другому. Речь идет исключительно об императоре как главе Римской империи. Подразумевается, что император Восточной Римской империи, то есть византийский император.

Второе: титул императора однозначно признавался главнее титула меровингского короля. Теодоберт, как и его отец Теодорих, в этом случае были *формальными подчиненными* византийских императоров.

Третье: Теодоберт постоянно контактировал с византийским императором, вел переговоры. Для этого он использовал представителей старинной галло-римской senatorской аристократии Прованса.

Четвертое: франкские посольства к Юстиниану Великому возглавлял Секундин, образцовый ритор галло-римского происхождения.

Пятое: дипломатические контакты Теодоберта и Юстиниана были довольно частыми, поскольку хронист упоминает о том, что существовали посольские поручения к императору, которые «обычно» выполнял ритор Секундин.

¹ См. всю третью книгу «Истории» Григория Турского. Контекст и характер использования понятия «император» вполне ясен. Император – глава государства. Империя – единое и единственное государство. Королевство (в частности, Меровингское), соответственно, не является государством в том смысле этого понятия, которое применяется к Римской империи.

Согласно традициям раннесредневековых повествовательных нарративов, если бы посольства франкских королей к императору Юстиниану являлись чем-то из ряда вон выходящим, хронист Григорий Турский говорил бы о них в единственном числе и применительно к единичным случаям. Однако последний даже не упоминает о специальном акте признания Юстинианом оккупации франками Прованса (537 г.). Этот факт представлялся франкской общественности разумеющимся и не подлежащим конкретизации либо обсуждению [23, *Greg. Tur. Hist. Franc.*, L. III]. О специальном акте признания Юстинианом оккупации франками Прованса пишет в своей «Войне с готами» только византийский историк Прокопий Кесарийский [30].

В 539 г. франки, пользуясь статусом федератов Юстиниана, продолжили агрессивные действия против остготов. Они вторглись в пределы альпийской Италии и опустошили её территорию вплоть до берегов реки. К началу 539 г. относится уничтожение объединенным франко-бургундским войском Медиолана (Милана). Дальше, как повествует «Хроника» епископа Мариа Аваншского «*Теодоберт, король франков, вторгся в Италию и опустошил Лигурию и Эмилию, его же войско было измучено здешними болезнями и весьма истощено*» [26, *Mar. Avent. Chron.*, 539].

Победа Велизария над остготами в 540 г. временно избавила Италию от продолжения франкских вторжений. Да и страшная эпидемия чумы, развивающаяся в Средиземноморье, сыграла свою роль [7; 18]. Несколько месяцев на Апеннинском полуострове держался мир, обеспечивавшийся активным правотворчеством византийской гражданской администрации [2, с. 312–314]. Новеллы Юстиниана и применение Гражданского кодекса вытесняли варварские порядки, установленные Одоакром и Теодорихом Амалом [17; 27; 28; 33].

Уже в 541 г. франки под руководством алеманнского вождя Бутилина

напали на Северную Италию. Автор предполагает, что целью Бутилина, данника Теодеберта Меровинга, был не столько грабёж обедневшего крестьянства альпийских районов, сколько усмирение вновь взбунтовавшихся остатков остготской армии. Успехам франко-алеманнского экспедиционного корпуса сопутствовала внутренняя смута в рядах остготов, поверженных Велизарием и изгнанных на север от реки По [23; 26; 30].

Короли остготов в ту пору сменялись каждые полгода. Вначале побеждённые остатки остготского войска возглавил Ильдибад (540-541), потом скир по происхождению Эрарих (541), а потом Тотила (541-552). Последнему понадобилось время, чтобы восстановить политическую самоорганизацию остготов. Это время оказалось роковым для Венеции, области Коттийских Альп и некоторой части Лигурии, захваченных франко-алеманнскими войсками Теодеберта Меровинга [26; 30].

Прокопий Кесарийский писал: *«Тотила много раз отправлял к Юстиниану послов, указывая ему, что большая часть Италии захвачена франками»* [30, *Procop. BG, IV.24*]. Возможно, что Прокопий Кесарийский преувеличил говоря о «большой части Италии» (учитывая полное подчинение центральной и южной Италии византийской власти) или же употребил этот термин в отношении фактических владений Тотилы (к северу от реки По). Во всяком случае, раннесредневековые хронисты подтверждают: Тотила начал военный поход в 542-543 гг. против византийских войск, располагая крепким тылом и хорошо отлаженной системой индентантского снабжения. По всей видимости, Тотила сделал значительные территориальные уступки Теодеберту Меровингу, пытаясь остудить его «верноподданические чувства» к императору Юстиниану.

Очень интересно и характерно, что франки пытались использовать для ведения боевых действий на итальянских землях преимущественно бур-

гундов или алеманнов. Здесь можно увидеть не только «эксплуатацию» людских ресурсов покорённых варварских племен, но и серьёзный политический расчёт. Теодеберт к тому времени уже осуществил аннексию Прованса (с городами Марсель и Арль включительно) и по достоинству оценил богатство соседки-Италии. *«Теодоберт Меровинг понимал, что его власть, как и власть любого другого варварского вождя-короля позднеантичного мира, зиждется на умении перераспределять ресурсы между свободными воинами. Пока войны довольны и сыты награбленным, королевская власть прочна. Если же они потеряют возможность достаточного насыщения, то поддадутся на уговоры родственников-предателей (их всегда было в избытке) или даже изберут другого короля (пользуясь демократической нормой германского обычного права).* Вот почему Теодеберт, беря пример с гуннского царя Атилы (434-453), остготского наместника Теодориха Амала Великого (493-526) и даже со своего деда Хлодвига (481-511), решил «дать выход» воинственной энергии франков. «Проявить» себя, не встречая достойного сопротивления, франки могли лишь на землях Италии, ослабленной византийским вторжением. В то же время, еще более важным и дальновидным политическим шагом Теодоберта Меровинга было преимущественное использование человеческих ресурсов недавно покорённых бургундов и алеманнов. Эти племена были только-только присоединены к владениям Меровингов. Следовательно, таили в своих недрах опасные «сепаратные» тенденции. Не было лучшего средства погасить сепаратизм и воспоминания о «золотых временах политической свободы», чем разрешение грабить соседнюю Италию в неограниченных масштабах. Особенно тактика Теодеберта «благодарно» подействовала на бургундов. Весь их жизненный пыл, военная сноровка и политическая злость

направлялись против несчастных жителей Северной Италии. Тем итальянским крестьянам и горожанам, кто чудом сумел спастись от разрушительной войны Велизария против Витигиса, не удалось скрыться от жестокости бургундов. Яркий пример – разрушение Милана в марте 539 г.

Не менее интересный политический ход Теодоберта – *применение военной силы в Италии без официальной королевской санкции*. Полчища бургундов, алеманнов и франков отправлялись на ограбление соседей (как итало-римлян, так и остготов), не обладая статусом «королевской армии». Сами себя они называли «добровольцами».

Хитрость Теодоберта очевидна и вполне согласована с общим характером византийской борьбы против остатков остготских армий. Теодоберт предусмотрительно застраховался одновременным обещанием помощи и византийцам, и остготам. Многие ли это говорит о самих франках? Очевидно да. *Вся франкская политическая история – бесконечная вереница предательской корысти*. Не располагая реальными силами, достаточными для военного противостояния кому бы то ни было, франки обманными путями привлекали соседей к сотрудничеству, стравливали окружающие племена между собой и пользовались их внутренними войнами, неурядицами, беспорядками.

Никогда бы франки не сумели победить римского стратега и правителя Парижа Аффрания Сиагрия в 487 г. без помощи вестготов. Никогда бы франки не сумели победить вестготов Тулузы в 507 г. без дипломатического преклонения перед византийским императором Анастасием I. Никогда бы франки не смогли присоединить Прованс в 537 г. и получить выход к Средиземному морю, если бы не началась кровопролитная византийско-остготская война (535-540 гг.). Никогда бы франки не осмелились драться с византийскими отрядами под Медиоланом, если бы те не истощились долговре-

менным сухопутным и морским переходом (речь идет о лигурийских событиях 539 г.). Никогда бы франки не пошли на участие в итальянских событиях 541-542 гг., если бы не располагали человеческим ресурсом бургундов и алеманнов. Завоевание этих племен, предпринятое в момент их максимального политического ослабления, связанного с распрями внутри остготской Италии, тоже не делает чести франкам. Франкские войска не покрывали себя славой на полях сражений, в отличие от вандалов, вестготов, остготов, бургундов и даже свевов. Франкские вожди гораздо лучше усвоили уроки дипломатической выдержки, эпистолярной лести, политических интриг. Этими средствами франки побеждали и создавали фундамент своей государственности.

Мало ли Меровинги уничтожали друг друга, интриговали друг против друга? Оккупацией Аквитании и убийством законного короля Алариха II (484-507) Хлодвиг «отплатил» вестготам за оказанную ими помощь против Аффрания Сиагрия. Оккупация Бургундии закончилась предательской казнью Годомара II (524-534), а в Тюрингии был подло убит король Герменефред (507-534) – чиновники Теодориха Меровинга просто сбросили его с крепостной стены после праздничной церемонии примирения [18].

Итак, франки чаще добивались геополитических успехов хитростью, нежели силой оружия. В этой хитрости и подлости было намного больше демонического и страшного, нежели в тех деяниях, которые гораздо позже европейские историки пытались инкриминировать исключительно «византийству» или «византийскому стилю политической деятельности».

Читая многие книги западных классиков исторической мысли, слушая лекции почтенных профессоров, часто приходится удивляться: почему использование хитрости, стравливание противников и дипломатическую выдержку принято называть именно

«византийством» [7; 19; 22; 24; 33]? *Ведь этой самой «хитростью» грешили все народы во все исторические времена.* Отчего же отрицательные стороны политической хитрости принято приписывать исключительно византийцам?

Автор высказывает свое субъективное мнение. Так, после детального изучения византийской истории и сравнительного её сопоставления с общеевропейской хронологией, приходится осознать, что все было *ровно наоборот*. Византийцы максимально использовали дипломатические методы ведения борьбы с противником. Но эти методы, несмотря на жестокость отдельных исторических эпизодов, зачастую оказывались *гораздо изысканнее политической «кухни» Западной Европы* [32]. Ведь вся история Меровингов, несмотря на очевидный политический взлёт в первой половине VI в., была непрерывным потоком позорных и предательских действий, не чуждых общему течению галло-романской жизни V – VII вв. – трусливому и озлобленному в силу глобальных дегенерационных изменений к худшему [6, с. 54].

Нельзя винить франков, как этнолингвистический конгломерат племён, в культивировании политики предательства как нормы социальной жизни Меровингского королевства. Франки усвоили галло-романские традиции и подготовили политико-юридическую почву для дальнейшего создания замечательной французской культуры [4; 6; 7; 21]! *Однако, уделять франкам место «праведников» в мнимом «пантеоне» основателей Европы или даже целого «Западного мира», как это часто принято в современной историографии, автор считает излишним.* Тем более, что франки, согласно выдвинутой гипотезе, являлись *де-юре* византийскими (восточно-римскими) подданными [10, с. 107]. В этом смысле они по-настоящему были частью «византийства», такой же, как остготы или вандалы со всеми присущими визан-

тийству положительными или отрицательными чертами. Не зря Юстиниан называл себя также и «франкским владыкой» [1; 25; 26; 30; 31].

Титул – очень важная вещь во все времена, в особенности в эпоху поздней античности и раннего средневековья. Тогда титул обозначал сущность власти [25; 26; 29; 30; 31]. Даже если он был чисто формальным, все равно мог изображать только такие территориальные претензии, которые в сознании его носителя и окружения являлись оправданными согласно закону [27; 28].

Император Юстиниан считал себя законным правителем франкских земель. Наследники Хлодвига, получившего официально титул наместника Галлии в 507 г., Теодорих и Теодеберт Меровинги точно так же рассматривались Юстинианом в качестве фактических правителей («дуксов») Галлии [23, *Greg. Tur. Hist. Franc.*, II. 38]. Им принадлежала фактическая (то есть реальная) политическая власть на землях современной Франции, и с этим византийские императоры считались [7].

Факт ведения переговоров между Юстинианом и представителями Теодоберта Меровинга подтверждает всю серьезность отношения официального Константинополя к франкским племенам [7]. *Но ничто не могло помешать византийским императорам причислять франкские владения к своей империи хотя бы на формальном уровне.* Следовательно, хотя европейские историки / политологи / культурологи этого или нет, однако франки являлись частью *общевизантийского культурного пространства, были органической, хоть и противоречивой, частью византийской цивилизации, федератами Римской империи* [4; 7; 32; 33].

Как и остготы Италии, франки могли вступать в вооруженное противостояние с византийскими войсками (очевиден пример штурма Милана в 539 г.), но никогда не смели объявить о

пренебрежительном отношении к власти восточно-римского императора (как и остготы, вестготы, вандало-аланы и другие варвары).

Аквитания в 507 г. была завоевана Хлодвигом с позволения Константинополя. Своё главное территориальное приобретение (Прованс, то есть выход к Средиземному морю) франки тоже получили в 537 г. благодаря византийцам. Следовательно, присоединение франков к морскому торговому пути, связывавшему ойкумену, произошло из-за деятельного участия Юстиниана. Пребывая как в хороших, так и в плохих отношениях с Восточной Римской империей, даже пытаясь позиционировать себя как её антитезу, франки меровингского периода не выходили за пределы общевизантийской культуры и византийской цивилизации². (Не будем забывать о философском единстве тезы и антитезы — оппоненты всегда являются органической составляющей друг друга).

Вторая итальянская кампания 541-552 гг. была обозначена масштабными победами остготского короля Тотилы. Его успех на фронтах центральной и южной Италии имел большое значение для франкской внешней политики, поскольку закрывал северным соседям возможность беспрепятственных грабежей в Италии. Объединение всех остготов вокруг личности Тотилы сделало возможным последний, очень яркий исторический рывок готского племени. Вследствие проведенных мобилизационных мероприятий и привлечения германских племен Норика и Паннонии, Тотила начал угрожать южным границам Франкии [17; 22; 24, р. 17–46].

Византийский историк Агафий Миринейский, говоря о времени наибольших побед Тотилы над Велизарием (544-548 гг.), даже предполагает наличие союза между Тотилой и Тео-

дебертом [1]. Автор приведет полную цитату: *«Итак, когда у римлян началась война с Тотилой, вождем готом, Теодеберт принял решение и с величайшей тщательностью готовился, собрав храбрейшие и сильнейшие войска, проникнуть в страну Фракии, и, опустошив ее всю, перенести войну к самой столице Византии, в то время как Нарсес и войско будут заняты боевыми операциями в Италии. Свое желание он осуществлял так деятельно, а приготовления так основательно, что посылал послов к гепидам, лангобардам и другим соседним народам, чтобы и они приняли участие в войне. Он считал нетерпимым, что император Юстиниан в императорских эдиктах называется франкским и алеманнским, гепидским и лангобардским и другими подобными наименованиями, как будто он поработил все эти народы. Поэтому и сам тяжело переносил эту обиду и возмущался к негодованию как оскорбленных. Я же так полагаю, что если бы он предпринял эту экспедицию, его дерзость не принесла бы ему ничего хорошего, но если бы он пришел во Фракию или Иллирик, то наткнулся бы на римские полки и погиб бы бесславно. Но уже то, что он задумал такой план, горячо желал его осуществить и все свое достояние потратил на это, лучше всего характеризует, как он был жесток и заносчив и как безумие и безрассудство принимал за храбрость»* [1, Agath., I. 4].

Также автор анализирует слова летописца Агафия Миринейского.

Первое: Теодеберт, как истинный лидер политического вождества раннего средневековья, был совсем не прочь поживиться за счет восточно-римских балканских провинций в тот момент, когда основные византийские армии сражались на два фронта (против персов и против остготов!). Кроме отчаянной войны на два фронта, Византийская империя оказалась в 540-е гг. под страшным ударом

² Талантливо охарактеризованной философом и дипломатом Константином Леонтьевым (1831-1891) в работе «Византизм и славянство» (1875). Понятие *общевизантийской культуры* автор употребляет именно в леонтьевском понимании предмета.

пандемии чумы, оставлявшей целые города и даже провинции безлюдными [7]. Начало активных боевых действий со стороны Тотилы примерно совпадает с длительной болезнью Юстиниана, лечившегося в 541-542 гг. от бубонной чумы [18].

Второе: Совпадение всех указанных бедствий предоставляло Теодоберту Меровингу шанс если не уничтожить Восточную Римскую империю, то окончательно подорвать её влияние в Западной Европе.

Третье: учитывая характер франкской политики, король не желал втягивать франкские племена в непосредственный военный конфликт. Как и в случае с походами бургундов-алеманнов, Теодоберт проводил переговоры с гепидами и лангобардами, натравливая последних на Византию. Одним из инструментов сраживания выступал титул Юстиниана, называвшего себя законным владыкой варварских племен Европы. Очевидно, что предполагаемое Агафием вторжение также должно было осуществляться не франкскими, а гепидо-лангобардскими силами и направляться из Паннонии и Прикарпатья.

Четвертое: Своей внешней политикой Теодоберт добивался одного – взаимного ослабления остготов, византийцев, лангобардов и гепидов. Все соседи франков должны были воевать друг с другом. Франки планировали присоединиться к боевым действиям только на завершающем этапе. Южные и восточные соседи в таком случае не смогли бы защититься... В конце концов, все дипломатические усилия Теодоберта Меровинга не привели к значительному результату, а сам Теодоберт умер то ли вследствие несчастного случая на охоте, то ли от чумы. Той самой чумы, от которой Юстиниан выздоровел... Это произошло в начале 548 г. Новым королем рейнских франков стал старший сын Теодоберта Теодобальд Меровинг (548-555гг.).

В 548 г. война между остготами и византийской армией достигла

своего апогея [30], противостояние вышло за рамки Италии. Тотила к тому времени разгромил основные силы Велизария и даже скоординировал нападения адриатических пиратов на крепости и поселения Далмации. Агафий Миринейский сообщал, что Теодобальд, располагая «трусливым» характером и будучи «нездоровым», отказался принимать сторону «отправлялись посольства», но он «полагал, что не следует ради чужих несчастий обременять себя». Франкские военачальники алеманнского происхождения Левтарис и Бутилин, по словам Агафия, решили выступить в итальянский поход без одобрения Теодобальда [1, *Agath.*, I.6]. В любом случае, дальнейшее столкновение между франко-алеманнскими войсками Левтариса / Бутилина и византийским корпусом Нарсеса автор считает продолжением «хитрой» политики Меровингской династии королей Теодоберта (534-548), Теодориха (511-534), Хлодвига (481-511).

Во-первых, алеманнские вельможи Левтарис и Бутилин не могли собрать во Франкии большое войско без ведома короля (хотя и 18-летнего) и его чиновников. Это вызвало бы ожесточенное сопротивление в рядах традиционной рейнской (рипуарской) знати. Во-вторых, поход Левтариса и Бутилина вглубь раздираемой войной Италии был выгоден франкам, поскольку предоставлял шанс на овладение всем Апеннинским полуостровом.

Этот поход 552-554 гг. стал последней попыткой династии Меровингов вмешаться во внутренние дела Италии. К концу 554 г. франко-алеманнская армия была разгромлена византийцами под руководством талантливого полководца Нарсеса. К 556 г. византийцы полностью очистили Северную Италию от франков. Большинство территорий, присоединенных королем Теодобертом (534-548), были возвращены под контроль Константинополя.

Вследствие внешнеполитической неудачи, связанной с провалом расчётов на тотальное ослабление Византии, внутри франкского общества разразилась традиционная смута. В декабре 555 г. Теодевальд Меровинг умер, а его рейнское королевство было захвачено Хлотарем I (511-561). Франки воевали друг с другом, занимались интригами и коварными убийствами, надолго погрузились во мрак политических неурядиц. Их историю вплоть до 751 г. (коронации первого Каролинга – Пипина III Короткого, 751-768 гг.) коротко описал современный английский историк Питер Хизер: «Временами франки начинали масштабные войны против равных по силам противников, но в конце VI в. вторжения франков на юг Альп стали более ограниченной формой набегов, и больше не было серьёзных попыток расширить бывшую римскую территорию, находившуюся теперь под властью Меровингов. В результате ни один представитель этой династии никогда не обладал властью даже при сочетании прямого и руководящего правления над такой большой частью римского Запада, как Теодорих во всем своем великолепии (речь идёт об остготском короле Теодорихе Амале). Имперским амбициям франков не хватало чего-то существенного, чтобы заглушить притязания других государств-правопреемников и самого Восточного Рима» [18, с. 272].

У статті досліджено міжнародно-правовий аспект юридичної діяльності франкських королів із династії Меровінгів. Особливу увагу присвячено нащадкам короля Хлодвіга – Теодоріху, Теодеберту, Теодевальду. Їхнє правління сукупно охоплює період з 511 по 555 рр. і характеризується зростанням могутності Франкського королівства. Зокрема, франки підкорили племена алеманнів, тюрингів, бургундів, успішно протистояли саксам. З історико-юридичної точки зору найважливішим

аспектом франкської історії завжди була участь франкського племені в італійському політичному житті.

Протягом 511-555 рр. франки активно втручалися у внутрішню політику Остготського королівства, що функціонувало на теренах Італії, Провансу та Далмації з дозволу Східної Римської імперії (Візантії). Автором здійснено міждисциплінарний аналіз першоджерел (анналів, хронік, літописів, кодексів), що дозволяє зробити висновок про формальне визнання франкськими королями верховної влади візантійських імператорів протягом першої половини VI століття. На матеріалі міжнародно-правової діяльності Меровінгів можна чітко прослідкувати різницю між юридичним і політичним станом справ у ранньому середньовіччі.

З юридичної точки зору Франкське королівство завжди виступало (до 800 року включно) власністю Східної Римської імперії, оскільки візантійський імператор після драматичних подій 476-480 рр. залишився єдиним римським імператором у світі. Франкські королі були вимушені дотримуватися цієї формальності з огляду на переважання латиномовного населення серед своїх підданих. З політичної точки зору Франкське королівство формувалося і розвивалося як цілком самостійне державне утворення, що протягом правління династії Меровінгів під впливом трансферту римського публічного права перетворилося з примітивного «вождества» в розвинену «монархію».

Стаття демонструє політичні та юридичні маневри Меровінгів, яких вони були змушені дотримуватися для того, щоб забезпечити баланс між юридичною формою і політичним змістом відносин із Візантією.

Ключові слова: міжнародно-правова діяльність, римське публічне право, статус імператора, Східна Римська імперія (Візантія), Франкське королівство, статус федератів, власність імператора.

Melnyk V. International legal activity of the Frankish kings in the first half of the VI century AD

The article examines the international legal aspect of the legal activities of the Frankish kings of the Merovingian dynasty. Particular attention is paid to the descendants of King Clovis – Theodorich, Theodbert, Theodebald. Their rule collectively covers the period from 511 to 555 AD and is characterized by increasing power of the Frankish kingdom. In particular, the Franks conquered the tribes of alemans, Thuringians, Burgundians, successfully opposed the Saxons. However, from a historical and legal point of view, the most important aspect of Frankish history has always been the participation of the Frankish tribe in Italian political life.

During the 511-555 AD, the Franks actively intervened in the domestic politics of the Ostrogothic kingdom, which functioned in the territories of Italy, Provence and Dalmatia with the permission of the Eastern Roman Empire (Byzantium). The author made an interdisciplinary analysis of primary sources (annals, chronicles, codes), which allows to conclude the formal recognition by the Frankish kings of supreme power of the Byzantine emperors during the first half of VI century AD. Thus, on the material of the international legal activity of the Merovingians, one can clearly trace the difference between the legal and political state of affairs in the early Middle Ages.

From a legal point of view, the Frankish kingdom was always (up to 800 AD) the property of the Eastern Roman Empire, since the Byzantine emperor, after the dramatic events of 476-480, remained the only Roman emperor in the world. Frankish kings were forced to follow this formality, given the predominance of Latin-speaking populations among their subjects.

From a political point of view, the Frankish kingdom was formed and developed as a completely independent state formation, which during the reign of the Merovingian dynasty, under the influence of the transfer of Roman public law, transformed from a primitive “chiefdom” into a “monarchy”. The article demonstrates the political and legal maneuvers of the Merovingians that they were forced to follow in order to strike a balance between the legal form and the political content of their relations with Byzantium.

Key words: International Legal Activity, Roman Public Law, Status of Emperor, Eastern Roman Empire (Byzantium), Frankish Kingdom, Status of Foederati, Property of the Emperor.

Литература

1. Агафий Миринейский. О царствовании Юстиниана. Пер., ст. и примеч. М.В. Левченко. М., Л. : Изд-во АН, 1953. 221 с.
2. Банфі Антонію. Юстиніан і Звід цивільного права. Історія європейської цивілізації. Рим. За ред. Умберто Еко. Харків : Фоліо, 2017. С. 312–314.
3. Буткевич О.В. Формирование междунaродно-правовой идеологии раннего средневековья. Государство и право. 2007. № 9. С. 73–81.
4. Верещагина Н.В. Курс лекций по истории мировой культуры и искусства. Одесса : Астропринт, 2013. 268 с.
5. Иордан. О происхождении и деяниях гетов. *Getica*. Вступительная статья, перевод, комментарий Е.Ч. Скрижинской. М. : Издательство восточной литературы, 1960. 436 с.
6. Ле Гофф Жак. Рождение Европы. Серия «Становление Европы». Пер. с фр. А.И. Поповой. Предисл. А.О. Чубарьяна. СПб : «Александрия», 2014. 398 с.
7. Люттвак Э.Н. Стратегия Византийской империи. М., 2016. 664 с.
8. Мальцев М.Г. Варваризация Римской империи как культурно-исторический процесс. Вестник НАСИА ист. фак. Пермского гос. гуманитарно-педагогического университета. История. 2015. № 1. С. 106–107.
9. Мельник В.М. Византия, германцы и славяне у истоков международной правосубъектности государств: римское юриди-

ческое наследие и проблема исторического неравенства возможностей. *Аннали юридичної історії*. Том 1 № 2 квітень-липень 2017. Випуск «Городяни і громадяни: історія та антропологія територіальних громад». С. 59–92.

10. Мельник В.М. Смена эпох: очерк формирования римско-византийской доктрины международного права (III – VI века). *Аннали юридичної історії*. Том 2. Номер 1–2. Січень-червень 2018. Випуск «Історія та географія середньовічного права». С. 63–108.

11. Мельник В.М. Признание верховной власти византийского императора в Остготском королевстве (493-526). Романовские чтения – 13 : сборник статей Международной научной конференции, посвященной 105-летию МГУ имени А.А. Кулешова. Могилев, 25-26 октября 2018 г. Под общ. ред. А.С. Мельниковой. Могилев : МГУ имени А.А. Кулешова, 2019. С. 8–10.

12. Мельник В.М. Римская империя в V веке. Крушение или перерождение? *Наука и техника*. Июль, 2019. № 7(158). С. 60–66.

13. Мельник В.М. Замечания о международной правосубъектности варварских королевств Европы (V – VI века). Альманах міжнародного права. Одеса : ВД «Гельветика», 2019. Вип. 21. С. 3–12. <https://doi.org/10.32841/ila.2019.21.01>.

14. Мюссе Люсьен. Варварские нашествия на Европу: германский натиск. пер. с фр. А.П. Саниной. СПб : Евразия, 2008. 400 с.

15. Суровень Д.А. Правовое положение населения по «Салической правде»: к вопросу о сущности варварских обществ и государств. *Историко-правовые проблемы: новый ракурс*. 2015. № 14. С. 87–151.

16. Толстых В.Л. Государство в историческом и международно-правовом контексте. *Московский журнал международного права*. 2017 № 106(2). С. 18–28. DOI: 10.24833/0869-0049-2017-106-2-18-28.

17. Удальцова З.В. Италия и Византия в VI веке. М. : АН СССР, 1959. 547 с.

18. Хизер Питер. Восстановление Римской империи. Реформаторы Церкви и претенденты на власть. М. : Центрполиграф, 2015. 575 с.

19. Bjornlie M. Shane. *Politics and Tradition between Rome, Ravenna and*

Constantinople: A Study of Cassiodorus and the Variae, 527–554. Cambridge, 2013. 370 p.

20. Flavius Magnus Aurelius Cassiodorus. *Variae*. Liverpool : Liverpool University Press, 1992. 202 p.

21. Gasparri Stefano, *La Rocca Cristina Maria. Tempi barbarici. L'Europa occidentale tra antichità e medioevo (300-900)*. Roma : Carocci, 2012. 357 p.

22. Gasparri Stefano. *Prima delle nazioni. Popoli, etnie e regni fra antichità e Medioevo*. Roma : Carocci, 1997. 244 p.

23. Gregory of Tours. *A History of the Franks*. London : Penguin Classics, 1976. 720 p.

24. Heydemann Gerda. Chapter 1: *The Ostrogothic Kingdom – Ideologies and Transitions. A Companion to Ostrogothic Italy*. Ed. by Jonathan Arnold, Kristina Sessa, Shane Bjornlie. Leiden : Brill, 2016. p. 17–46.

25. Marcellinus Comes. *The chronicle of Marcellinus: a translation and commentary (with a reproduction of Mommsen's edition of the text)* by Brian Croke. Sydney : Australian Association for Byzantine Studies, 1995. 152 p.

26. Marii Aventicensis episcopi *Chronicon. Monumenta Germaniae Historica. AA. Vol. XI. Bonnae*. 1894. T. XI. p. 225–239.

27. Mousourakis George. *A Legal History of Rome*. London and New York : Routledge, 2007. 282 p.

28. Mousourakis George. *Roman Law and the Origins of the Civil Law Tradition*. Basel : Springer International Publishing, 2015. XVI+328 p.

29. Pauli Diaconi. *Historia Romana. A cura di Amedeo Crivellucci. Ristampa anastatica*. Torino : Bottega d'Erasmus, 1966. LI+305 p.

30. Prokopios. *The Wars of Justinian*. Trans. by H.B. Dewing, revised by A. Kaldellis. Hackett Publishing Company, Inc., 2014. 642 p.

31. Procopius. *The Secret History*. London : Penguin Classics, 2007. 140 p.

32. Stein Ernest. *Histoire du Bas-Empire. Tome II, De la Disparition de L'empire D'occident a la Mort de Justinien (476-565)*. Bruges : Desclée De Brouwer. 1949. XXXIV+900 p.

33. Van Tricht F. *The Byzantine Space. The Latin Renovatio of Byzantium*. Leiden : Brill, 2011. XII+536 p.